
Эвелина АЗАЕВА

ПОЛНОЕ НАКРЫТИЕ

Рассказ

Виктор Венценосцев сидел в подвальном помещении канадского суда и сильно мерз. Из дома взяли в чем был. Даже куртку в суматохе не надел. И вот дрожи теперь — октябрь на дворе...

Виктор ждал суда, на котором должны были принять решение о его выходе под залог. Есть такая процедура в канадском правосудии: сначала правонарушителя арестовывают и увозят в тюрьму, а наутро везут в суд, чтобы тот решил, оставить ли его на нарах, пока идет разбирательство дела, или отпустить под гарантии друзей и близких и под денежный залог.

Хорошо, что у Виктора в Канаде есть друг детства — вместе в школе в Новокузнецке учились — Валерка. Он дает залог и берет Виктора на поруки до того, главного суда, на котором решат, как наказать домашнего насильника Венценосцева.

Домашний насильник....

«О-о-ох», — из груди Виктора вырывается вздох. Он не хочет об этом думать, еще и башка трещит — перебрал вчера. Зря он так, какая ужасная получилась пятница...

А в камере тем временем ведутся деловые разговоры. Гавриков, ожидающих суда, там пятнадцать человек. Сидят в бетонном мешке без окон. И без стульев. С железной дверью. Вдоль стены тянется бетонный же «насед» — нечто вроде скамьи. В углу небольшая перегородка, за ней унитаз. По негласному правилу сделал «по-большому» — сразу смой, подтираться будешь потом. Это чтобы запах не шел, кондиционера тут нет.

Русских, кроме Виктора, нет. Пакистанец, иранец, коренные канадцы, канадец в смеси с индейцем — метис...

Последний допрашивает иранца, который тоже угодил сюда за домашнее насилие:

— Где ногу потерял, почему протез?

Тот рассказывает, что участвовал в войне Ирана и Ирака. Она длилась восемь лет. Подорвался на mine. И вот теперь приходится каждые пять лет менять протез — тело меняется, старый натирает...

— А боли у тебя есть? — осведомляется метис.

— Да, сильные.

— И тебе прописывают обезболивающее? — парень называет неизвестный Виктору препарат. Видно, что разбирается в лекарствах.

— Выписывают.

— Один флакон, где сто таблеток?

Эвелина Азаева родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде («А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие»). Печаталась в журналах «Нева», «Дружба народов», «Наш современник» и др. С 1998 года живет в Канаде.

— Да.

— Давай вот что сделаем. Ты скажешь, что тебе не хватает, боли усилились, пусть тебе два флакона выпишут. Я второй за две тысячи продам, деньги разделим пополам, — предлагает чингачгук.

Виктор удивляется. Он бы совсем другие вопросы задал: за что воевали? Кто первый начал и чего хотел? В какой подразделении служил, как долго? Как выбрался с оторванной ногой? Обязательно бы рассказал про нашу Великую Отечественную, про отца, у которого тоже в ногу было ранение. Отец, пасечник, в дыру, которая была с голубиное яйцо, мед заливал, и воспаление, которое время от времени возникало, стихало.

Но деловое предложение поступило и ему, Виктору. Рядом присел некто Стив. Та-туированный здоровый мужик с косичкой. Расспросил, за что он тут, и почему-то решил взять в дело.

— Давай я автомат по продаже чипсов и напитков вскрою, а ты на шухере будешь стоять. Это несложно, мне надо всего минут восемь.

— Да какие там деньги-то? — попытался вежливо отказаться Венценосцев.

— Долларов восемьсот, — ответил Стив. — Можно несколько автоматов вскрыть. А если видишь, кто-то идет, отвлекай внимание. Делай вид, что упал, с сердцем плохо... Вскрикну так, чтобы я услышал. Но не допускай, чтобы «скорою» вызвали.

«Какой мрак», — думал Венценосцев. В эту минуту он осознал глубину своего падения. Сидит с жуликами и ворами. С разбойниками.

На родине Виктор получил образование художника-карикуриста — это который комиксы рисует. Работал в детских журналах. Потом наступила перестройка, журналы закрылись, и началась борьба за выживание. Кем только не был: и челноком, и дальнобойщиком... В Канаде выучился на программиста и работает в крупной компании. Хорошо зарабатывает. Живет в Оттаве уже двадцать лет. У него есть дом, отдельно проживающая взрослая дочь, играющая в главном оркестре страны. Есть жена, с которой прожито более тридцати лет. И есть ее родители, в которых все дело...

Из-за них он тут, среди мошенников. А скоро, может быть, и в тюрьме окажется. Из-за тещи, главным образом.

Нет, конечно, во всем виновато его пьянство. Но пьет он как? Никогда на работе его пьяным не видели. И чтобы не явился — ни разу не было. Квасит Венценосцев по выходным. И считает, что никому не мешает. Пьет или у Валерки (и там ночует, чтобы пьяным за руль не садиться), или у себя дома, ни до кого не докапываясь.

Не сказать, чтобы это были каждые выходные. Нет, Виктор любит читать, смотреть телевизор, продолжает рисовать. Правда, редко и обычно шаржи на коллег по работе и знакомых. Тем нравится.

В канадском «обезьяннике» он не впервые. Что для него самого удивительно. Ведь из интеллигентной семьи: папа — историк, доктор наук, автор учебников, мама — литературный редактор в издательстве. А как-то так складывается жизнь, что у него, Виктора, уже были трения с законом.

В первый раз он был арестован через два месяца после приезда в Канаду.

Устроился на бензозаправку. Работал кассиром — принимал оплату за бензин, продавал лотерейные билеты, чипсы и шоколадки. И вот однажды подъезжает юноша на «феррари». Заправил полный бак, и кассир видит вдруг, что к нему подъезжает другой парень, тоже на дорогой машине, и они меняются автомобилями. Машина, которую заправили, собирается отъезжать.

Виктор — туда. Платите, мол. Новенький парень говорит: «Я не заправлялся» — и хлопывает дверцу, включает мотор. Виктор цепляется за дверцу, и так парень прово-

зит его несколько метров. «Платите!» — орет на ходу Виктор. Юноша останавливается и вызывает полицию.

Виктор тогда английского практически не знал. На заправку его устроили русские, работал там тоже земляк, он помогал новичку объясняться с клиентами. В этот день земляка не было, и Виктора увезли в участок и обвинили в нападении. Позже он узнал, что не желавший платить второй парень — сын начальника полиции города. Венценосцев удивился: ну ведь для него заплатить за бак бензина — копейки, а ему, новому иммигранту, возмещать недостачу было бы форменным несчастьем!

Сидя в то время в тюрьме, думал, как защитить себя на суде. На адвоката денег нет. Говорят, есть для бедных бесплатные адвокаты, но где их искать? Жена Марина тоже английского не знает.

И придумал. Попросил у охранников бумагу, ручку и стал зарисовывать произошедшее. Как комикс. Как он стоял у кассы — первый кадр, потом все в подробностях: как приехал модный юнец, заправил машину, отдельный рисунок — показатель на счетчике, что полный бак, и сумма... Потом нарисовал второго и как он, Виктор, просил заплатить, как парень захлопнул дверцу и как машина тащила Венценосцева по асфальту...

На суде, когда человек в темной мантии обратился к нему, Виктор ничего не понял. Он просто протянул охраннику свои рисунки. Тот передал их судье. И Виктор, замерев, смотрел на то, как судья, подняв брови, их рассматривает.

Потом судья стал что-то говорить. Виктор не понимал что, но почувствовал: происходит что-то хорошее для него. Судья смотрел в его сторону дружелюбно и даже улыбался. Потом Валерка, который, как верный Санчо Панса, присутствовал и тогда, сказал, что речь судьи сводилась к следующему:

— Мы все должны помнить, что многие иммигранты, которые в Канаде работают кассирами, таксистами, уборщиками, официантами, на самом деле — образованные люди. И люди нередко талантливые. Мы должны гордиться, что они выбрали Канаду своим местом жительства. Мы должны входить в их положение, быть к ним снисходительными. Подсудимый — художник, и он безо всякого адвоката, без знания английского языка смог поведать нам о происшедшем. Я не вижу его вины. Он свободен.

Хозяин заправки потом объяснил Виктору, что в Канаде кто первый позвонил в полицию, того и тапки. Если бы он, Виктор, позвонил первым, все сложилось бы иначе. Тем более что у бензоколонки имелась видеокамера. Мажоры бы и оправдывались, еще у пап на работе были бы неприятности, если бы информация в СМИ просочилась...

Таким был первый канадский опыт.

* * *

— Вин... Винсенте! — железная дверь открылась, и Венценосцева повели на суд, который решит, выпускать ли его под залог. Суду все было известно со слов полиции. Что спьяну запустил в тещу вилкой и раскроил старушке щеку, что потом угрожал ей и жене булыжником. И потому жена вызвала полицию.

А так, вообще, подсудимый характеризуется положительно.

Виктор благодарен невесть откуда взявшемуся бесплатному адвокату — молодой девчонке. Может быть, она еще студентка, но уже в своем деле шарит: нашла Валерку — гарантера, позвонила Виктору на работу и сказала, что он не может прийти по семейным обстоятельствам. На суде его так хорошо представила, что быстро перешли к вопросам к гарантеру.

Валерка, положив руку на Библию, поклялся говорить правду и ничего, кроме правды. А потому на вопросы отвечал искренне.

— Вы пьете? — первым делом спросил судья.
— Пью, — спокойно сообщил гарантер.
— Как часто? — удивился судья.
— Каждый день, — поведал Валерий.
— Так как же мы вам господина Венценосцева на поруки отдадим? — снова удивился судья. — У вас же дома, наверное, алкоголь хранится?
— А как же? — подтвердил гарантер. — В ассортименте.
— Можете ли вы его спрятать на то время, пока у вас будет жить господин Венценосцев?

Тут настала пора удивляться Валерию. Он представил, как пьет втихушку от друга, и сказал:

— Это противоречит моим моральным ценностям.

Судья вздохнул и попросил, чтобы на те три месяца, что Венценосцев будет жить у Валерия (до вынесения приговора), друзья не пили.

Гарантер пообещал стараться.

Это правила в Канаде такие: если человек уличен в избиении домашних или падении на них, ему запрещают проживать дома, хотя счета оплачивать он обязан. Должен снять квартиру или комнату, и не приближаться к своим жертвам, и даже не звонить. Виктора брал к себе Валерий — мужчина одинокий, вдовец.

Суд постановил до приговора выпустить Венценосцева на свободу и осыпал условиями. С десяти вечера до шести утра быть дома, то бишь в квартире Валерия. Оружия не иметь. Пить нельзя, записаться на курсы против пьянства. Нарушишь условия — будешь ждать суда за рукоприкладство за решеткой.

* * *

А как дело-то было... В пятницу — самый прекрасный в Канаде день недели, когда упахавшееся население видит свет в конце тоннеля, — Венценосцев выпил. Изрядно. Прилег на диван и заснул было, как сквозь закрытые веки ощутил, что над ним нависла туча. Теща.

— Опять нализался? — спросила старуха-процентщица. Виктор потому ее так мысленно называл, что, прожив с ней шесть лет, понял Раскольникову. Да, бывают люди, которые созданы для того, чтобы есть себе подобных. Как самка богомола.

Теща сожрала его, Виктора, жизнь. Жизнь разделилась на до приезда тещи и после него. До него он жил с супругой душа в душу. Страсти молодых лет перегорели, там было всякое — и измены, и почти расставание, однако все перемололось, и, учитывая, что остался он все же с Мариной, можно сделать вывод, что любовь была и есть. Иногда, как всякий человек, он сомневался, и ему казалось, что живет он с женой по привычке. Но порой к сердцу при виде Марины приливалась такая теплота, что он осознавал: любит он ее, огонек еще горит.

Жили в Канаде Венценосцевы вполне благополучно. Но вдруг Марине захотелось вызвать родителей из Новокузнецка.

Как отказать? Родители старые, им требуется уход. Виктору и самому их было жаль. Вызвал, взял на спонсорство. То есть пообещал канадскому правительству содержать их, как минимум, десять лет.

И получил добрый самаритянин сполна! Издалека, раньше, когда Венценосцев с тещей не жил, она выглядела человеком умным, эрудированным, интересной собеседницей и милой женщиной. Все Марине обычно говорили: «Какая у вас милая мама!»

Но то ли она постарела, то ли он просто ее плохо знал, однако зять столкнулся с тем, что милейший при посторонних человек, слабая, нежная женщина при закрытых две-

рях может превращаться в подлинного монстра. Теща оказалась властной, все контролирующей — до мелочей, настойчивой в навязывании своих порядков, истеричной и мстительной, в случае если ей хоть немного сопротивляются. Она оказалась манипуляторшей и выстраивала целые схемы, чтобы добиться своего.

Вначале Виктор считал, что манипуляции — это ее неосознанное, спонтанное поведение. Потом понял, что нет. Это вполне продуманные интриги и упертая вера в то, что ради цели все средства хороши.

Своего самца-богомолы, мужа Петра Васильевича, теща давно съела. Он был бледной тенью. Ел, спал, смотрел телевизор, никому не мешал, и если Ольга Николаевна о чем-то вещала, только согласно кивал головой. Марину мать доедала, Виктор же оказался не по зубам, и теща вела с ним борьбу не на жизнь, а на смерть. Живя при этом в его доме.

С приездом родственников Венценовцы быстренько закончили бейсмент¹, сделав из него квартиру с отдельным входом, кухней и ванной, и, казалось бы, чего родителям там не получить удовольствие от жизни? Большой телевизор на стене, библиотека.

Так нет же. Ольга Николаевна всегда пребывала на первом этаже и проходу от нее не было уже с утра, с шести часов, когда Виктор просыпался и собирался на работу. Марина обычно тоже просыпалась и готовила ему завтрак.

Теща уже не спала. Она выходила и делала удивленные глаза: «Как? Вы садитесь есть, не попив соду?» Сода — это был пунктик. Теща ощелачивала организм. То есть по утрам, до еды, выпивала стакан горячей воды с разведенной в ней содой. И того же требовала от Марины, крича: «Посмотри на себя! Ты ведь уже колода! Ты выглядишь хуже меня!», а заодно и от Виктора. Так как ей не хотелось, чтобы добытчик рано протянул ноги. Она заботилась о том, кто обеспечивает ее дочь и внуков, как хороший хозяин заботится о своей кобыле.

Если «молодые» не реагировали на требование пить соду, теща смотрела, что у них в тарелках, и выносила вердикт: «Нет, ну если такое с утра жрать... Вы понимаете, что вы слишком много едите? Мы ведь как в СССР ели? Маленький бутербродик с утра, стакан чаю и все. И никакого майонеза под колбасу». И теща убирала майонез в холодильник. Зная, что Виктор очень любит намазать им хлеб и только потом положить колбасу.

Супруги молчали, но теща, видя, что ей не отвечают, заводилась все больше и доходила до крика, адресованного дочери: «Ты уже ни в одно платье не влазишь! И дочь свою научила что попало жрать! У меня талия уже, чем у тебя!»

Виктор ронял: «Время — шесть тридцать... В такое время еще не ругаются».

Казалось бы, интеллигентное принуждение к миру. Но теща оборачивалась на него, как вампир, почуявший запах крови. Она упиралась в зятя колючими зелеными глазками и спрашивала дочь:

— Может, ты что-нибудь ему скажешь, предательница? Или будешь смотреть, как оскорбляют твою мать?

— Мама, ну ты же сама начала, он тебе ничего не сказал...

— Ну, конечно! Ты всегда на его стороне! Как же я забыла об этом?

— Мама, да я всегда на твоей стороне, я уже ему всю плешь проела из-за тебя, — оправдывается Марина.

— Ладно, ладно! Еще посмотрим! Вот сохнете оба, а я с вашими внуками сидеть не буду! Я видеть не могу, как вы живете! Это дебилы какие-то, дураки! И ведь уже под

¹ Бейсмент (basement — англ.). Подвальный этаж в частном доме, находящийся полностью в земле или наполовину в земле. Обычно североамериканцы отделяют его, и он превращается в одно большое помещение или в квартиру с несколькими комнатами, кухней и ванной. Эту жилплощадь можно использовать самим, а можно поселить квартирантов.

сраку лет, а жрут что попало, ложатся в полночь, как подростки, дочь воспитали непонятно как, потому она и замуж не выходит, хотя ей скоро тридцать, и еще не слушают...

Теща начинала рыдать и убегала. Закрывалась в ванной, но рыдала все громче и громче, чтобы они слышали.

Супруги расставались с плохим настроением. Виктору было тревожно, что Марина осталась с Ольгой Николаевной, которая будет есть ее весь день, Марина оставалась дома с тем же самым предчувствием и чувством вины перед мужем.

В Канаде есть субсидированное жилье, причем старики получают квартиры там быстро, всего за полгода. Но Марина не хотела сдавать туда родителей. Потому что отец был совсем слаб и ему в любой момент могла понадобиться доставка в госпиталь. Да и матери, при всей ее заботе о собственном здоровье, тоже могла понадобиться помощь. Виктор понимал, что и «скорая» вполне довезла бы тещу с тестем до госпиталя, если бы приспичило, но не хотел ломать Марину. А она категорически требовала, чтобы родители жили с ней. (Только много позже Виктор осознал, что этого хотела не Марина, а вампир Ольга Николаевна. А Марина принимала желания матери за свои, так как привыкла к этому с детства.)

В некоторых ссорах, возникающих, как считал Виктор, на пустом месте, теща крыла их матом или употребляла вполне литературные, но гнусные слова: «Вы твари, фашисты, с...!» А после — истерика взмахом, выбегание из дома и шатание по улице в слезах. И это в Канаде, где если такое заметят, могут позвонить в полицию и обвинить Венценосцевых в «элдерли абьюз» — что они обижают пожилого человека.

Повод для выбегания? Зять отказался ехать за луком. Говорит, устал. Или теща велела поехать за огурцами, он поехал, а магазин оказался закрыт. И вместо того чтобы подождать пять минут, зять, сволочь, вернулся и сказал, что съездит через час. А мог ведь подождать!

Готовка — это была еще одна огромная семейная проблема. Тещин пунктик. Жарить и парить, строгать и варить... Чаще всего Виктор видел тещину спину. Женщина полдня стояла у плиты. И казалось бы, надо быть благодарным, но Виктор не был. Он ненавидел эту готовку. Потому что, во-первых, столько еды никому не нужно. Это был какой-то конвейер. Причем, с одной стороны, Ольга Николаевна упрекала дочь и зятя, что они много едят, а с другой — производила одно блюдо за другим, которые надо было съесть, чтобы не испортились. Суп — ведерными кастрюлями, да плюс второе, да плюс салатик...

Да и черт бы с ней, но ведь это надо постоянно ездить за продуктами, покупать огромными корзинами, как принято в Северной Америке, потом их разгружать, потом загружать в холодильник, выносить мешки с очистками и снова ехать в магазин, потому что «забыли лук, а без лука нет ни одного нормального блюда» — так утверждала теща.

Когда она жила в Новокузнецке, Виктору готовила Марина. Пару раз в неделю. В остальное время супруги питались по кафе и ресторанам, а также перемагались дома полуфабрикатами. Вполне вкусными: пиццей, лазаньей, где-то кофе с пироженкой, где-то салатик или бутербродик, яичница. И это, считал Виктор, куда лучше, чем пищекомбинат дома.

Но тещу было не унять. Другой скажи: «Не готовьте сегодня, отдохните», она будет благодарна. А Ольга Николаевна воспримет как оскорбление и чудовищную неблагодарность.

- А что есть будете? — колюче спросит.
- Да найдем. Там полно в холодильнике.
- Да? А мне есть нечего. Я без борща не могу.

И теща начинала готовить. А к борщу и салатик. И пюрешку. И апофеоз:

— Поедь в магазин, купи лук, я хочу еще котлетки пожарить, а лук кончился.

— Я выпил, не могу за руль.

— Марина, а ты? — напряженно смотрит на дочь Ольга Николаевна.

— Mam, давай без котлеток. Я себя плохо чувствую, давление, наверное...

— Да итит твою мать! Почему я должна и готовить, и всех упрашивать? — и слезы градом, истерика, крики, убегание в туалет, всхлипывания оттуда с речитативом: «Вот с... дак с... .. Да зачем я сюда приехала? Жила бы с Веркой... Нет, живи с этими ленивыми дебилами... С алкашом с этим».

...Виктор лежит на диване с закрытыми глазами и старается представить Кубу. Он любит туда ездить. И не только из-за чудесных пляжей и бирюзового моря, а больше из-за самих кубинцев. Несдавшихся, помнящих о дружбе с русскими, свободных, вечно отдыхающих и улыбочивых, несмотря на нищету. Виктор представляет светлый, горячий песок и шум прибоя...

— Зря ты выпил, — раздраженно говорит Марина. — Ты же знаешь, как на нее это действует.

Виктор молчит.

— Я поехала за луком.

— Бесплезно, — роняет он. — Лук — не причина, это повод. Она не может жить, если не сделает кого-то виноватым. Она каждый день ищет повода обидеться. Заходит с разных сторон. И если не реагировать, обижается на то, что ты такой каменный.

— Ну, ты должен понять: она готовит, старается. И убирает в доме.

— Ее никто не просит. Мы без нее не подышали от голода и не засрались до ушей.

Из туалета доносятся более громкие, чем раньше, рыдания.

— Иди успокой ее, — велит Виктор. — Иначе она отомстит.

Он давно заметил, что если теща не оттанцует на них, если как-то так получится, что они не покорились и она не добилась своего, она позже мстит. В какой-нибудь прекрасный день, когда с утра никто не поругался, когда, казалось бы, тихий ангел поселился в доме и, более того, все проводят время даже дружно, Ольга Николаевна вдруг вспоминает какую-то свою обиду и ни с того ни с сего устраивает скандал.

Сначала все терялись, не понимая в чем дело. Но в гневной речи тещи проскакивало, за что это все... «Я вам никогда не забуду, что вы мои туфли выкинули!»

Туфли были не ее, а Маринины. Они износились. На подошве появилась дыра. Но теща была скопидомкой — ничего не позволяла выбрасывать. Оттого были уже забиты шкафы и гараж. «Туфли? Погоди... я могу починить и носить... Кожа-то натуральная... Не выбрасывай», — сказала она Марине.

— Мама, они совсем изношенные, потертые.

— Я сказала, не выбрасывай. Непонятно?

— Я не хочу чтобы моя мать ходила в таких туфлях.

— А! Тебе туфель драных матери жалко? — и рев.

Ольга Николаевна понимала, что дело не в жадности, но ей хотелось побольнее уколоть дочь. Пусть оправдывается, если такая непослушная.

— А вы бы не говорили, что собираетесь что-то выбрасывать, — советовал Виктору Валерий.

Но теща знала все вещи в доме. И пропажа какой-либо была бы замечена не сегодня, так через неделю. И потом были бы стенания на годы, что это была любимая вещь и Ольга Николаевна хотела сделать из вот этого кружевного воротника воротник лисий, но «твари и с...» эту вещь специально выкинули, чтобы ее обидеть.

Однако больше всего Виктора бесило бесконечное тещино капанье на мозги, что им надо уезжать домой, в Россию. Она постоянно внушала Марине, что в Новокуз-

некке жить лучше, чем в Оттаве, что «вот Верка прекрасно живет» (вторая дочь Ольги Николаевны).

Виктор не выносил и встревал:

— Ага. Сын у Верки снарккоманился, муж спился, а так — все замечательно.

И теща поднимала на него свинцовые от ненависти глаза.

— Ты бы заткнулся лучше. Не тебе, бухарику, говорить...

— Бухарик или нет, а за дом, в котором вы живете, плачу. И дочь вашу содержу, и внучке вашей подкидываю денюжат...

Хотел добавить, что и за их поездки в Новокузнецк платит, но вовремя вспомнил, что у них в России накапливается пенсия, и, выходит, они сами себе оплачивают дорогу.

Эти поездки были Виктору поперек горла. Старики были уже в таком состоянии, что из каждой поездки возвращались с новой болячкой. Петр Васильевич вернулся из последней с переломом руки. Хорошо, не шейку бедра сломал, когда поскользнулся и упал, а то бы каюк. Теща вернулась со свадьбы внучатой племянницы в предынфарктном состоянии. Тоже бегали в Канаде по врачам, лечили.

— Вот это племяннице был бы подарок — кабы Ольга Николаевна на свадьбе померла, — говорил Виктор.

Это хорошо еще, что в Россию ездят. У знакомых семидесятипятилетняя мать поехала на похороны двоюродной сестры в Аризону, и там ее разбил инфаркт. А страховку дети не сделали. И вручили им от американского госпиталя счет почти на двести тысяч долларов. Пришлось продать бизнес — пекарню, — чтобы расплатиться.

Ольга Николаевна хочет жить в России. Но ее никто в Канаду насильно не тащил, сама же согласилась. А теперь бесится. И Маринке мозги запудривает, давай, мол, вернемся.

Виктор не хочет возвращаться. И не потому, что родину не любит. Любит. Он уехал из России в конце девяностых, когда жизнь была очень тяжелой, безрадостной и бесправной. Уехал в Канаду, хорошо устроился, дочь прекрасно живет... Чего теща хочет? Чтобы они Анютку оставили в Канаде, а сами рванули в Новокузнецк? Ведь понятно же, что молодая женщина, играющая в главном оркестре страны и выросшая в Канаде, никуда не поедет.

И зарплата у Виктора хорошая, и пенсия заработана именно здесь. Бросать ее, что ли, и ехать на новое место, начинать в свои пятьдесят пять жизнь заново?

Россию он и здесь поддерживает. Время от времени отправляет посылки совершенно незнакомым людям, которые бедствуют. Адреса берет в «Комсомольской правде». Есть там рубрика «Отдел добрых дел». Виктор то ребенку больному перечислит, то многодетной семье они с Мариной посылку соберут. А если бы в Новокузнецк переехали, кто знает, были бы у них средства на помощь землякам?

Виктор понимает, что в Канаде теща одинока. Но сколько раз он предлагал ей пойти в русскую церковь, благо до нее пятнадцать минут пешком, и там познакомиться с другими старушками. Там чаепития проводят каждые выходные. Но нет. Теща атеистка, в храм ей идти стыдно. «Так вы после службы приходите, когда начинается чаепитие», — советовал Виктор. Теща отмалчивалась. И он приходил к выводу, что жрать свою семью ей куда интереснее, чем лясы точить с какими-то подружками, которых ни обозвать нельзя, ни на лопатки положить.

А были ли хорошие черты в его теще? Конечно. Начитанная, интересный собеседник. Честная по деньгам, верная мужу. Родину любит, переживает за нее. Не лежестежка, никакого труда не боится. Может не только гвоздь вбить, но и стену оштукатурить. За дочь и внучку переживает. Свообразно, конечно, с питием их крови, но — как умеет.

Однако бывает так, что все хорошие черты меркнут перед одним, но сильным недостатком. Вот Чикатило, например, остался в истории жестоким маньяком. И кого волнует, что он был хороший семьянин и, возможно, неплохой преподаватель, а может быть, охотно давал деньги займы или перевел когда-то старушку через улицу.

Виктор заикался было, чтобы сводить Ольгу Николаевну к психологу (хотя считал, что нужен психиатр). Но тут она даже не обиделась. Посмотрела на него, как на умалишенного, и сказала спокойно: «Я сама больше всех этих старых евреев знаю». Валерка советовал ей в питье успокоительное подмешивать, но теща, имевшая привычку брать трубку второго домашнего телефона и подслушивать, рассвирепела: «Он меня отравить хочет! С дружкой советовался!»

Знала, что не хочет. Понимала, о чем шла речь. Но как не воспользоваться моментом? Время от времени она даже намекала Марине, что Виктор изменяет. И приводила доказательства: она, де, рассмотрела простыни в стирке и видела на них какие-то пятна, которые свидетельствуют, что у зятя «нездоровая сперма». Пятна должны быть белыми, а они желтоваты.

И Маринка, которой это долбилось исподволь ежедневно, начинала нервничать, приглядываться, принюхиваться, внезапно названивать. «Дура ты, Марина, — смеялся Виктор. — Я в постели ем, ты же знаешь, вот те и пятна». Но когда вспоминал об этом эпизоде, от злости хотелось тещу пришибить. Это ж надо додуматься — рыться в грязном белье! Он всегда считал, что это образное выражение, ан нет...

Виктор даже поначалу думал, что, может, смириться и делать все так, как она захочет? Ну подумаешь, пусть готовит каждый день, как на свадьбу, пусть нудит, что надо уехать в Россию, пусть трюндит про питье соды и про все-превсе остальное. Но попробовал и понял, что это ловушка. Почувяв слабину, теща, как старуха в «Золотой рыбке», требует больше и больше. И вот уже ты ешь и пьешь не то, что хочешь, а что ей кажется правильным, ложишься спать в то время, которое ей кажется верным, дружишь с теми, кто ей нравится, а когда звонят «паразиты» (так теща называла тех, кто ей не нравится), ты не должен брать трубку.

Раз за разом просил Виктор жену поставить родителей на очередь на субсидированную квартиру. Обещал, что будет ездить, навещать, продукты подвозить... Но Марина наотрез отказывалась: «Если они будут жить отдельно, я уйду с ними». И он смирялся, терпел.

* * *

То была скверная пятница. На работу Виктор не ходил. Потому что продал дом и на понедельник было намечено завершение сделки в офисе адвоката и переезд в новый дом. Пятница и выходные посвящались сборам. Виктор паковал вещи, разбирал мебель, а теща ходила и зудела: «Надо съездить за луком, и вообще... Молока нет... Продукты надо купить».

Он спросил зачем, если переезжают, а в новом, только что построенном доме холодильника еще нет. Пока купят, дня три или даже пять дней пройдет — доставка не моментальная... Где будут продукты? Свой холодильник по канадской традиции Венценосцевы оставляли с проданным домом. Равно как и другие электроприборы, и, что вообще странно, занавески. Ну электроприборы — это ладно, их тяжело перевозить, и обычно люди въезжают в другой дом, где им тоже оставили и плиту, и холодильник, и стиралку. Но почему надо оставлять занавески и светильники, люстры — этого Венценосцев не понимал. Нет, можно, конечно, и увезти с собой, но часто покупатели западают на хозяйские занавески и светильники и в договоре просят их оставить. И когда берешь сотни тысяч долларов за дом, как-то не с руки цепляться за это добро.

Но традиция все же странная. С таким же успехом можно и диван хозяйский потребовать, и телевизор...

В общем, Виктор был рад, что продуктов в холодильнике осталось мало и не придется делать сумку с текущим мясом, молоком и прочим. Как раз хватает, чтобы подъехать за выходные.

Теща ходила и злилась: «Есть нечего». Тогда Виктор бросил дела, посадил всех в машину и повез в ресторан. Там заказал еду и, пока готовили, беседовал с женой. Заказал он «полное накрытие». Так в Канаде в русских ресторанах называют лучшее меню, когда на стол мечется просто-таки все и блюда стоят аж друг на друге. В шашечном порядке.

— Давайте отметим успешную продажу дома! — улыбнулся Венценосцев, чтобы разрядить обстановку.

Теща сидела, поджав губы. А когда принесли еду, почти не ела, а уныло клевала. Потом губы у нее задрожали и на глазах появились слезы.

Венценосцев сделал вид, что не заметил. Марина — тоже.

Поехали домой. Когда ехали мимо супермаркета, теща предложила:

— А давайте продуктов купим на вечер.

Виктор затормозил. Нажал на кнопку, открывая заблокированную заднюю дверь, и сквозь зубы произнес:

— Идите. Марина, дай маме денег.

Теща ответила:

— Я никуда не пойду. Если таким голосом...

— Идите, — приказал Виктор. — Хотели идти, нечего теперь ломаться. Идите.

— Не пойду! — уперлась теща.

И Виктор рванул с места.

Домой все вернулись в плохом настроении. Работать ему уже не хотелось. Решил, что остальное дособирует и доразбирает в выходные. Сел смотреть телевизор и поставил перед собой бутылку виски. Пил, и пил, и пил... Зря, конечно...

— А что, мы ковер вот этот разве с собой не берем? — зашла с улицы теща. Она бывала в гараже и волокла за собой старый ковер, из которого лезла шерсть и который источал плохой запах. Ковер пах мышами и кошками, его давно пора было выбросить.

— Не берем.

— А я хочу его к себе в комнату, я отмою, — сообщила Ольга Николаевна.

— Зачем? У вас есть в комнате хороший ковер.

— А я хочу этот!

— Да вы издеваетесь, что ли?! — взорвался Виктор. Он уже набрался. Схватил ковер и потащил его на фронтярд², куда все выбрасывали ненужные вещи, а мусорная машина потом забирала.

Вернулся, а там уже дым коромыслом. Теща визжит, Маринка плачет.

— Не могу больше! Не могу жить с этим извергом! — верещит теща. — Ненавижу! Алкаш проклятый, еще хвост на меня поднимает! Да как ты с ним живешь? Там же смотреть не на что! Я бы его в жизни не поцеловала. Ты посмотри на его рожу — губы в ниточку. У жадных у всех губы в ниточку! Ковра теще пожалел...

Виктор налил себе полстакана, хлопнул, а потом взял вилку, чтобы закусить маринованным огурцом. Но передумал. И когда теща начала рыдать, запустил в нее вилкой.

Вилка попала в щеку. Появилась кровь. Теща охнула.

— Сдурел совсем? — закричала Марина. — Ты бы еще кирпич взял!

Она стала что-то кричать, но он не понимал. Видел только, что жена открывает рот и машет руками. Отметил про себя, что раньше она на него никогда рот не разевала.

² Фронтярд (front yard — англ.) — участок земли перед домом.

И никогда не была так похожа на свою мать, как сейчас. Взглянул на тещу. Та — вот удивление-то! — будто забыла о своей ране, а смотрела на разыгравшуюся на ее глазах сцену: как Марина кричит на мужа. Тоже, видимо, была поражена. И обрадована. Обычно супруги были друг за друга, как шерочка с машерочкой.

Теща смотрела плотоядно. Она испытывала удовольствие и надежду: оборона пары прорвана, Маринка его бросит и уедет с ней в Россию.

— Кирпич бы еще нашел! — снова прокричала Марина.

И Виктор это услышал. Вышел из дома и стал искать кирпич.

Кирпича не нашел, зато под рукой оказался булыжник. С ним вошел в гостиную, где уже снова рыдала теща и бегала вокруг нее Маринка.

— Еще раз рот откроете, вот этим по башке получите, — предупредил обеих Виктор.

Он был пьян и не знал, как грозно выглядит в тот момент. Не понимал, что похож на статую «Булыжник — орудие пролетариата».

— Мариша, полицию! — простонала теща.

— Да я тебя убью сейчас! — шагнул к ней Виктор. Убивать не собирался, но видеть ее напуганное лицо — понравилось. Впервые она была такая — дрожащая, как мышь. Не наглая, как обычно, а растерянная, напуганная. Венценосцев с отвращением подумал, что наказать ее следовало бы уже за то, что она испохабила жизнь тестю. Хороший, добрый мужик превратился в подкаблучника, который и чаю не мог себе позволить выпить, потому что жена крутила ему «фреш» из невкусного миндального молока и фруктов и заставляла пить, так как это полезнее. Ладно, не мочу. Лет двадцать назад она уринотерапией увлекалась.

— Убью! — заорал Виктор, и занес булыжник над тещей. Но тут кто-то сзади прыгнул на него, повис на шее, Виктор упал, и его стали мутузить в шесть ног: жена, теща, прибежавший на крики тесть. А потом выволокли в коридор и толкнули так, что он покатился с лестницы, которая вела в бейсмент.

Не убился. Получил, как записали потом в госпитале, «множественные гематомы». А гематомы были, между прочим, на полбрюха.

* * *

Полиция по звонку Марины прибыла быстро. Надели наручники, спросили:

— Куда едем?

— В госпиталь, на освидетельствование, — ответил Виктор.

В госпитале освидетельствовали, и полиция отвезла домашнего насильника в тюрьму. Вели себя вежливо, даже рассказали ему о его правах. Он как-то сразу протрезвел.

В тюрьме раздели догола, попросили нагнуться, раздвинули ягодицы. Потом дали оранжевую робу, в которую он облачился, и повели в камеру. Вели двое. Один открыл дверь и сразу посмотрел внутрь, на того, кто уже в камере находился. Второй охранник смотрел на Виктора. Позже Венценосцев узнал, что так положено.

Виктор вошел, поздоровался.

В камере ничего не было, кроме двух полок для сна, как в купе. На верхней сидел парень.

Чтобы установить добрые отношения, Виктор вежливо осведомился, хочет ли парень спать на верхней полке или на нижней — Виктор готов уступить ему нижнюю. Когда он служил в армии, лучшим местом считалась нижняя полка.

— Нет, — ответил парень. — Пожалуйста, сэр, спите внизу.

Он был вежлив, как большинство канадцев.

Познакомились. Виктор рассказал, за что его взяли, и осторожно спросил, за что сидит парень.

— За убийство,— лаконично ответил тот.

В итоге Венценосцев глаз не сомкнул. Ладно, если парень из корысти или ревности кого-то уколошил. А если маньяк, психопат? Вон один психически больной в автобусе парню голову отрезал у всех на глазах.

Лежал Венценосцев и думал: вот это Маринка себе устроила переезд. Сама сейчас все паковать и грузить будет. Нет, с командой грузчиков он договорился, но надо, чтобы когда они приедут, вся мебель была разобрана и упакована, а то, что не разобрано, следует обернуть полиэтиленом. Да много работы... Ничего. Пусть теща погорбается, если не умеет мужиков ценить.

И еще думал: интересно, узнают ли на работе, что он в тюрьме? Если узнают и уволят, вот будет номер. Маринке придется самой работать и все счета оплачивать. А он будет раны лечить. Может быть, в тюрьме.

* * *

Наутро принесли поесть. Сначала из коридора выкликали всех, кого везут в суд на слушание о выпуске под залог. Открывали окошечко в железной двери и называли фамилию. Потом, когда все вышли и построились, прикатили тележки с сэндвичами и соком. Ложек, вилок, чашек нет. Потому что могут стать оружием. Сэндвичи в целлофане, порошковый сок в бумажных пакетах. Есть еще булки с маслом. И круассаны. Брать положено два «блюда» из трех. А если не хочешь, объяснил Виктору еще в камере сосед, надо брать все равно, потому что повезут в суд и там кормить не будут, а суда можно и полдня ждать.

Ели тихо, спокойно. Вот это Венценосцеву в канадцах нравится. Спокойствие, сдержанность, вежливость. В России вежливость недооценивают, ей предпочитают искренность, прямоту. Честность то бишь. И он с этим согласен. Искренность важнее. Но вежливость тоже хороша. С ней гораздо легче жить.

Вот охранники... Целая куча их, по несколько на каждого заключенного. Страна создает рабочие места для своих граждан. Столько бы и не надо охранников, но куда народ девать? Охранники никого не гнобят, говорят только по существу — команды отдают.

После завтрака сковали заключенных цепью по три человека и повели в автобус.

* * *

И выпустили Венценосцева под залог. Никогда не думал он, что ему, интеллигентному человеку, придется ходить на курсы против пьянства. Не курсы анонимных алкоголиков, а некие душевные беседы с каким-то консультантом-бандеровцем по фамилии Недайхлиб.

Здоровый такой, румянец во всю щеку, чистые ногти. Начал психологически тонко:

— Ты, — говорит, — алкаш. Тебе всего пятьдесят пять лет, а посмотри, как ты выглядишь: морщины, худой.

Виктор был потрясен. Ах ты ж, собака! Тебе под тридцать, и ты тут сидишь всю свою короткую трудовую жизнь и бумажки перебираешь, а я до Канады кем только не работал: и челноком был, и дальнобойщиком. И пару месяцев назад сам драйвэй камнем вымыстил, никого не нанимал.

Но сдержался и сказал лишь:

— Я девять лет дальнобойщиком был. Как я могу быть алкоголиком? И в Канаде каждый день на работу хожу, никто меня пьяным не видел, спросите...

Бандеровец прочитал ему лекцию на тему, что такое хорошо и что такое плохо, и отпустил.

Виктор шел домой, то есть к Валерке, и вспоминал, как увещевал тещу:

— Вы живете с дочерью, не в богадельне, не в психушке, мужик ваш еще ходит, каналов русских у вас сто, холодильник едой забит, пенсию получаете, весь бейсмент вам отдан. Чего еще нужно?

И что людям неймется? И как родители могут гнобить детей? Он не понимал этого. Не понимал кайфа от того, что заставляешь кого-то рядом живущего танцевать под свою дудку. Ничего ведь не обходилось без вступления Ольги Николаевны. Стоит Марине начать печь блины, теща тут как тут: «Сахар не клади, вредно». И стоит, следит, чтобы по ее было. А что если он, Виктор, любит с сахаром? Без сахара блины — просто хлеб...

«Господи, — одергивал он себя, — моя жизнь превратилась в борьбу со вздорной бабой. Еще в тюрьму за нее сяду. Вот это и будет — полное накрытие...»

* * *

Суд приговорил Виктора к двадцати семи месяцам лишения свободы условно. Позволили вернуться домой (с разрешения домочадцев), обложили запретами. И он вернулся. Понимал, что стесняет Валерку.

С женой помирился. С тещей и тестем не разговаривает. Ну их, от греха подальше.

Домой Виктор приходит в шестом часу вечера. Теща по уговору с Мариной сразу выметается из кухни к себе в бейсмент. И Виктор проводит с женой тихие вечера. Как раньше.

Как раньше? Нет, конечно. С одной стороны, он повторяет для себя: жена вызвала полицию, потому что он был пьян, агрессивен и она, видимо, испугалась за себя и мать. С другой стороны...

Вот об этой другой стороне он много размышлял. Стал бы он вызывать на Марину полицию? Да никогда. Более того, он и на тещу бы не вызвал. А если бы теща тонула — спас бы.

Что случилось с русскими людьми за границей? Почему они стучат на своих, почему расправляются с родными железной рукой государства? Вот теперь у него, Виктора, есть судимость. Теперь он человек второго сорта, и случись какой-то спор у него, какая-то тяжба, чиновники всегда будут думать, что виноват он, так как агрессивный домашний насильник... То есть семья поставила ему на лбу тавро. До конца жизни не отмоешься.

Черт с ней, с тещей, но Маринка... Они же всю жизнь вместе, он же ее целовал-миловал... Как можно? Ведь она с родителями уже избил его, сбросила с лестницы, так зачем было еще и полицию вызывать?

Вызвали, получается, не из страха, что он их убьет, а чтобы отомстить.

Это как же надо его ненавидеть? Легче было бы развестись!

Не легче, тут же отвечает сам себе Венценосцев. Он зарабатывает, все счета оплачивает. Материально выгоден. Получается, его за деньги терпят.

А на вид — непохоже. Маринка ведет себя ласково, ревнует даже время от времени.

«Я знаю, что ничего не знаю», — вспомнил Виктор. Ничего он не понимал теперь: кого любить, кому верить, что вообще делать, как жить? Как целовать ту, что может засадить его в тюрьму одним звонком в полицию? Скажет, что угрожал, и срок из условного превратится в настоящий.

Нет, она так не сделает, сам себя убеждает Венценосцев. Она не такая...

Не такая...

Не такая...

Не такая...

Он всхлипывает. Этого никто не слышит. Так тоскливо ему не было никогда, даже когда его в девяностые на трассе остановили бандиты и чуть не убили. Спас другой проезжающий дальнбойщик, выскочил с монтировкой и быстро всех уконтропунил — бывшим воином-афганцем оказался.

Тогда было страшно, а сейчас — страшно и обидно. «И враги человеку — домашние его». Верно как сказано. Никто не ранит тебя словами больше, чем родные. Никто не отомстит тебе лучше, чем они. Потому, что хорошо тебя знают, и потому, что ты перед ними — гол. Ничем не защищенная душа.

Виктору предстоит более двух лет зависимости. Он полностью в руках у своей семьи. Захотят — на хлеб намажут. А он не должен и слова поперек, иначе сядет... И к любимой женщине теперь желательна на цырлах.

Венценосцев знает, что зависимость — одно из самых тяжелых испытаний. И не только для того, кто зависит. Но в не меньшей мере для того — от кого зависят. Мало кто не пользуется в этой ситуации своим положением. Тут и проявляются люди... Ты можешь убить, позволено. А убьешь? Можешь изнасиловать, и ничего тебе не будет — воспользуешься? Можешь унижить, высмеять, дать щелбан — сделаешь это, если тот, кому даешь — безответен?

В эмиграции в такое положение часто попадают. Вызвали, скажем, родственницу из России. У нее ни документов, ни, соответственно, прав. И живет она у них. И вот тут разворачиваются подлинные трагедии, подобные «Грозе» Островского. Люди не справляются с властью, которой обладают над беднягой. Начинают муштровать, унижать, срывать на ней настроение. Доводят до того, что человек, подобно Катерине из пьесы, готов броситься с моста. Но не бросается, а только ждет документов, каждый день бегаем проверять почту. И получив, уходит навсегда из дома родственников и не звонит, не отзывается всю жизнь.

А знакомым те родственники потом рассказывают: «Мы ее поили, кормили, помогали медстраховку получить, а она, неблагодарная... Вот и помогай людям».

Многие, ох многие родственники расстались из-за этого в эмиграции. И вот их, Венценосцевых, семья тоже после стольких лет дала течь...

Вчера Маринка под одеяло забралась, обнимает. А он не сопротивляется и думает: как же она не понимает, ведь он теперь ее заложник... И звонок в полицию, и его судимость всегда будут стоять между ними. Женщина, вероятно, может любить того, кого боится. А мужик — нет, не может...

И тут же Виктор вспоминает: а как же фавориты императриц? Ведь они знали, что царь-баба может их на плаху в любой момент, а «дерзали»...

Но там за власть, за деньги. А он за что будет сейчас в постели «дерзать»? За быстрое уважение?

Что делать? Что делать? Эта мысль теперь всегда в мозгу. Обидно еще было, что жизнь его в последние годы стала какой-то мелкой, ничтожной, как у гусеницы. Он превратился в мужика, которому важно, что скажет теща, которого задевают слова старухи, который с ней всерьез воюет.

И проиграл, между прочим.

Хотелось вырваться. В ту, прежнюю жизнь, когда человек звучал гордо. И когда он, Венценосцев, был художником, и его уважали, и он сам себя уважал. Он не был эмигрантом, а был плоть от плоти родной земли. Хозяином был. И думал в то время — о высоком. Делал по утрам зарядку под команды из радио, обсуждал с друзьями но-

вые публикации «Роман-газеты». Жил по-советски небогато, но интересно. Свободно жил. Деньги не волновали, волновали мысли, чувства и девушки...

Эх, если бы не разрушили Советский Союз...

* * *

Однажды утром Виктор не пошел на работу. Марина, заспанная, в ночнушке, зашла в гостиную и увидела, что муж собирает чемодан.

— Ты куда? — тихо спросила, враз все поняв.

— На Кубу. Я снял со счета пять тысяч, этого надолго хватит. Поживу пока там... На счету осталось много, тебе хватит. Когда деньги у меня закончатся, попрошу тебя еще прислать. Не дашь — приеду обратно, заработаю и снова туда поеду.

Она молчала. У них была мечта: когда выйдут на пенсию, поедут жить на Кубу. Снимут хибарку близко от моря и будут купаться каждый день. С канадскими-то деньгами там не жизнь, а рай. Все стоит копейки, население — дружелюбное, особенно к русским. По менталитету кубинцы очень похожи на советских людей. Что для нас было доблестью, то и для них доблесть, что для нас подлость, то и для них.

— Ты мне там изменять будешь, — прошептала Марина.

Многие канадцы ездят на остров, чтобы завести себе хоть какой-то роман. Люди на Кубе бедные, и пожилой мужчина вполне может отхватить юную красавицу. Расплачиваясь в буквальном смысле бусами — бижутерией, бельем, одеждой, сувенирами. Которые в Канаде можно купить в долларовых магазинах.

— Не знаю, — ответил Виктор. — Но если я проживу свой срок здесь, мы разведемся. А так — есть надежда...

Марина ничего не сказала и пошла на кухню. Собирать ему еду с собой. Тушенку, сайру в масле для легкого супчика, сгущенку и прочее, что долго хранится и из чего можно сделать себе в дальней дали «полное накрытие».